

Эрве Гибер

**Без ума
от Венсана**

Перевод Алексея Воинова

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Фр

Hervé Guibert
Fou de Vincent

В оформлении обложки использован
портрет Венсана работы Эрве Гибера (1983).

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Copyright © Les Éditions de Minuit, 1989
© Kolonna Publications, 2012
Перевод © Алексей Воинов, 2012

ISBN 978-5-98144-158-5

В ночь с 25 на 26 ноября, сделав из купального халата парашют, Венсан упал с четвертого этажа. Он выпил литр текилы, покурил конголезской травы, нанюхался кокаином. Товарищи, увидев, что он не дышит, вызывают пожарных. Внезапно Венсан встает, доходит до машины, заводит ее. Пожарные догоняют его, врываются в дом, поднимаются вместе с ним в лифте, заходят в спальню, Венсан бранится. Он говорит: «Дайте мне отдохнуть», они ему: «Болван, ты можешь уже не проснуться». Родители безмятежно спят в соседней комнате. Венсан выставляет пожарных за дверь. Он сладко засыпает. Без четверти девять мать трясет его, чтобы отправить на работу, он не может пошевелить даже пальцем, она отвозит его в больницу. 27 ноября, получив известие от Пьера, я навещаю Венсана в Нотр-Дам-дю-Перпетюэль-Секур. Через два дня он умирает от последствий разрыва селезенки.

Я познакомился с Венсаном в 1982 году, когда он был ребенком. Он остался в моих мечтаниях, я должен был дожидаться, когда он станет мужчиной, я продолжал его любить за то, чем он больше не был. Шесть лет он вторгался в записи моего дневника. Через несколько месяцев после его смерти я решил отыскать следы Венсана на этих страницах, листая их от конца к началу.

Что это было? Страсть? Любовь? Эротическое наваждение? Или одна из моих выдумок?

Видел в витрине одного волшебного магазина коробочку из черного бакелита в форме летающей тарелки, которая посредством увеличительных стекол и зеркал создает эффект голограммы. В специальном углублении нужно расположить какую-нибудь вещь, к примеру, золотое украшение, колечко, и на прозрачной крышке появляется стереоскопическое отражение. Кажется, можно его стащить, но оно неуловимо. Я хотел было купить это устройство, чтобы заключить в него на память что-нибудь, принадлежащее Венсану, но все, о чем я думал (прядь волос,

фотография) не подстегивало моего желания обладать подобным предметом. В этом ковчеге хорошо бы смотрелся лишь его член.

Я никогда не пользуюсь расческой; я вытираю волосы полотенцем, потом расчесываю их пальцами, чтобы привести в порядок. Вчера – не знаю, почему, – я заметил одиноко лежащую на полке ванной комнаты маленькую расческу, которую подарил мне Венсан (он подарил мне так мало вещей), я взял ее, причесался, расческа стала магическим символом. Венсан оставил инструкцию по ее применению: «Если однажды я тебе понадоблюсь, причешись, и я появлюсь». Я прислушиваюсь, но телефон не звонит. На следующий день я снова причесываюсь: расческа станет волшебной только на второй раз. На третий день причесываюсь снова: она станет волшебной только на третий раз, и т.д.

В заднем зале «Селекта», где, дожидаясь его, я, чтобы успокоиться, сменил множество мест, я признаюсь ему в любви. Он опускает глаза, серьезно улыбается, без всякого стеснения, без сарказма; кажется, что моя боль в этот момент моральной слабости для него схожа с бальзамом.

Я бы хотел, чтобы эта разновидность героизма, – которая заключается не в столах и криках, не в призывах к нему, а в сдерживаемом переживании более или менее терпимой нехватки его тела, объятий, – вызвала у него, словно ответная порча, ощущение невыносимой нехватки этих объятий и заставила его бежать ко мне.

Он уезжал, я спешил, я был пресыщен. Я попросил Ханса-Георга* проводить его на автобусе до аэропорта и встретить там Гектора**; я устроил так, чтобы приезд Гектора совпал с отъездом Венсана. Вернувшись в свою мастерскую, я нахожу оставленную им на бюро записку, невероятно ласковую, с рисунком, он зовет меня Гибертино, благодарит за то, что я терпел его. Он здесь порозовел, он хорошо спал и ел, он поправил свое здоровье, обещает больше не нюхать порошок. Повели Гектора на концерт Рамо в Сан-Луи-

* Ханс-Георг Бергер – фотограф, близкий друг Эрве Гибера (здесь и далее прим. переводчика).

** Гектор Бианчиотти – журналист, писатель, друг Гибера.

ле-Франсе, я скучаю, я представляю Венсана в самолете, мы решаем уйти в антракте. Венсан появляется из-за колонны. В первую секунду кажется, что это призрак. Во вторую оказывается, что он решил не уезжать, а жить со мною в Риме. В третью, что он не смог подняться в самолет. Вчера я позаботился о том, чтобы подтвердить его билет в туристическом агентстве. Его багаж висит за спиной, мы выходим из церкви. На самолет было продано слишком много билетов, и пилот, увидев его физиономию, отказался взять его к себе в кабину. Ответственный за чартер проводил Венсана до церкви и хотел в качестве компенсации оплатить ему ночь в роскошном отеле, на следующий день утром его посадят на первый самолет в Париж, в тот же день Венсан должен вернуться на работу, он еще не знает, что его уволили. Гектор отводит меня в сторону и спрашивает: «А это кто?». Я говорю: «Это Венсан». Он восклицает: «Так это Венсан?». Интонация означает: «Это он-то – Венсан?».

9

Первая фраза, которую я написал о нем в конце вечеринки, где мы познакомились: «Среди всех детей я подойду к тому, чье очарование наименее очевидно, и поцелую родимое пятно на его лице, все родинки у него на бедрах и на затылке».

Прошлой ночью битый час он примерялся войти в меня, наваливаясь сверху, сбоку, используя крем, когда я лежал на спине под ним, взял другой крем, потом масло, за которым отправил меня на кухню, стоя мы не пробовали, потому что он слишком мал. Я хотел взять презерватив – розовый, с небольшим резервуаром; когда я вынул его из упаковки, чтобы надеть ему на член, я спросил: «А нужно ли?». Он сказал: «Ты ведешь себя так, будто смыслишь в этом, это пугает». Он хотел снять презерватив, он говорил: «Ты действительно дрейфишь, что подцепишь СПИД, да?». Я постоянно просил прощения, говорил, что у меня слишком узкая, слишком сухая задница. У него еле вставал. В какой-то момент он лег на меня, схватил меня за ноги, чтобы положить их себе на плечи, прошептал: «Изогнись». Невозможно было возбуждаться, я стал настоящим акробатом. Он стонал, он был внутри, он искал мои губы, он просунул в них свой язык, мне казалось, что он имел меня, будто женщину. Он во второй раз поцеловал меня, его губы были сухими, он поил меня своей слюной, этой драгоценной жидкостью, которой он плюется на улице.

Странное впечатление от того, что продолжаешь писать книгу, которая была отдана издателю полгода назад и контракт на которую уже подписан: писать ее на разлетающихся листках бумаги, не перепечатывая на машинке, и приносить частями или отсылать по почте издателю по мере того, как случаются разные беды и радости, – некий способ сократить расстояние, отделяющее тебя от уже готовой книги, быть еще ближе к ней, еще глубже внутри нее, словно писать, считывая уже заверченный текст.

II

Когда он узнал, что я, уже не в силах терпеть, в конце концов все-таки открыл письмо, которое отправил ему Пьер на мой адрес, никакого упрека не было, он сказал лишь: «Теперь я знаю, что ты странный».

Я рано лег спать, остальные были в гостиной, они не услышали звонка, я спал, я встал, чтобы взять трубку, это был Венсан, я не узнал его голос, таким счастливым он казался, он спросил: «А который у тебя час?». Он объяснил, что не приехал, потому что нашел работу грузчика на съемках одного фильма, сказал, что там есть звезды, ошибся

в их именах, добавил, что набрал десять килограммов, он разговаривал со мной долго, я вернулся в кровать счастливый, мне было приятней знать, что там у него все хорошо, нежели видеть, как он стеснен подле меня.

12

В Прадо, на следующий год, мы разошлись по залам в разные стороны. Когда я увидел его при выходе в сад, рядом был мужчина, его словил какой-то педофил. Я пошел на мужчину, сделав большие глаза и рыча, как волк, мужчина удрал, Венсан спросил, что на меня нашло.

Я вернул наркотик другу, который мне его раздобыл.

Слишком жестокий договор: для нашего свидания нужно, чтобы у него все было плохо и у меня все хорошо.

Венсан не пришел; дело не только в том, что мне недостает его плоти, это еще и крушение надежд: мечта о путешествии не сбылась, внезапно скрылась главная перспектива. Этим утром я будто бы потерпел аварию.

13

Иметь с собой наркотики, когда я провожу вечер с Венсаном, даже если я ими не пользуюсь, означает запастись средством, дабы идти до конца в желании захватить его тело.

У меня болела голова, я попросил его помассировать мне шею. Его сухие, шероховатые, потрескавшиеся из-за лечения микоза ладони легко прошлись по моим плечам, мое сердце ощутило их нежность, словно они были покрыты шелком.

Он сказал мне, что фантазирует о том, как женщина засовывает в вагину какой-нибудь овощ, и сразу спросил: «А какая фантазия у тебя?». У меня не получилось об этом сказать.

Последние два-три дня я думаю о другой книге (всегда радостно предвидеть новую книгу), хотя и говорю себе, что больше не смогу что-либо написать: поддельный дневник путешествий или поддельный роман, кругосветное путешествие в доме на колесах с Венсаном, с огнестрельным оружием, и, может быть, Венсан превратится в этом повествовании в женщину, которую зовут Джейн? Как Джейн Мейнсфилд.

Мне кажется, в последний раз он сказал мне: «Никогда я не смогу причинить тебе боль».

В то время у меня было мало денег, но всегда был флакон дорогих духов. Прежде чем уйти, он приказывал мне надушить его тело, вылив из флакона все до последней капли.

Каждый день благословляю его за то, что он не пришел.

Все ко мне очень внимательны, они восхитительны, но я не совсем здесь, я с тем, кого тут нет, я отсутствую, чтобы отыскать отсутствующего. Если бы он был тут, вероятно, я был бы нигде.

15

Он по-прежнему запрещает мне прикасаться к его заднице, говорит, что она предназначена для какашек.

Подозреваю, что он сознательно испортил конец нашего последнего вечера, потому что уже тогда решил не приходить ко мне, он, наверное, вычислил, что моя злоба ослабит тоску. Он больше не придет, но догадливо дарит мне любовную силу мельчайшей надежды.

Ночью я не отрывался от него и в какой-то момент прошептал: «Тебе бы понравилось, если бы я полизал твои яйца?», он ответил: «Мне все нравится», он уже спал.

16 Я слушаю диск, который он мне подарил (регги). Мне не нравится. Это хороший урок.

Он говорит: «Когда ты у меня сосешь при свете, я вижу, что вот в этом месте у тебя на голове мало волос».

«Этим вечером, вернувшись домой, я перед зеркалом стянул с себя одежду, весь день я повсюду натыкался на свою рожу, теперь я вижу, что у меня хотя бы красивый торс, особенно мне нравятся вот эти мускулы на предплечьях, а тебе они тоже нравятся?».

Мы с Венсаном провели полночи, пытаюсь устроиться поудобнее. Это напомнило

мне о бессонных юношеских ночах, проведенных вдвоем, о самых первых ночах, когда чувственность истощала его, когда тщетные поиски удовольствия становились более волнующими, чем само долгожданное наслаждение, а тела начинали источать странный запах, уже превосходивший занятие любовью, эссенцию абсолюта.

17

Он строит дурацкие планы: экспортировать в Африку подводные велосипеды, чтобы осматривать дно, стать порно-актером или артистом-комиком, понастроить туристических бунгало на заброшенной платформе в Конго.

Пять дней и пять ночей с Венсаном в этом чужом городе, пять монотонных оргазмов: он отдается бездеятельно и покорно, я орошаю его ляжки. Я вновь ощутил дыхание любви, лишь когда распрощался с ним, сразу после того, как он исчез.

Вчера вечером, когда я был слегка пьян и смотрел на свою правую руку, лежащую на обеденной скатерти, освещенную рождественскими гирляндами, развешанными на олеандрах, мне показалось очевидным, что эта рука была создана только для того, чтобы ласкать Венсана; но утром подобное чувство показалось мне чрезмерным.

18

Он говорит: «Давай поласкаем друг друга прежде, чем я уеду; хочешь, чтобы я лег сверху или снизу?».

Снова увидев Изабель*, я сказал, что она может оплатить свой долг после предательства, отдавшись человеку, в которого я влюблен, Венсану, ибо ее образ заставляет его мечтать. Она спросила меня: «Он красивый?» – «Нет, это настоящий монстр». – «А он, он тебя любит?». Я напрягся, не зная, что ответить, и зашевелил губами, издав звук, соединявший одновременно «Даааа» и «Эээээ».

* Изабель Аджани.

Медовое мыло, которое он мне подарил, тает ужасно быстро, я теперь пользуюсь им только, когда мою свой член; появляется опьяняющий аромат.

Губами сдерживал его движения во время танца. 19

Едва войдя в дверь, он требует включить порно, последний раз он отказывался его смотреть. Я замечаю, что на нем моя черная рубашка с белым узором, он добавляет, расстегивая первую пуговицу: «И еще твоя майка». Я наклоняюсь, чтобы найти кассету с девочками. Когда я вновь поднимаюсь, он уже без майки сидит возле меня на диване. Я снова вижу его великолепную кожу; красные пятнышки, появившиеся месяц назад, исчезли; вижу родинки на плечах, я едва решаюсь поцеловать его, я ласкаю его робко, как будто добился этого в первый раз, я говорю ему: «Ты даришь мне священный дар», а он: «Правда, я недурен собой?».

Он танцевал под «Поцелуй» Принца, сунув мне член в рот; теперь я мог бы просить его о чем угодно.

20 Когда он везет меня на машине своей матери, он гонит, шпарит, стопорит, дает задний ход, мотает меня, я не возникаю, не показываю, что счастлив.

Он хочет взять меня с Максом кататься на лодках в Булонском лесу, он говорит: «Это мой лучший дружбан, предупреждаю, он не в курсе, что мы спим вместе, для него между нами ничего нет, надеюсь, ты продержишься». Т* . говорит мне, что они прикончат меня веслом.

После ужина он спрашивает меня, закрывается ли дверь ванной на ключ; выходя оттуда, показывает мне полоску бурого порошка на крышке унитаза, он говорит: «Я приготовил это для тебя, это темный сахар,

* Тьери Джуно, любовник Эрве Гибера.

он хуже белого, зато дешевле». Чем он там занимался все время, пока дверь оставалась закрытой? Уходя, он быстро целует мой член. Он возвращается, он забыл свой героин, я чищу зубы, он кусает меня за ягодицу. Только что, когда мы были в кровати, он изображал, что трахает меня в зад.

21

Он принимается вспоминать, что мы пережили вместе, он говорит: «Мы в самом деле были прелестны в ту первую ночь, которую провели в гостиничном номере в Агадире».

Я его долго ласкал, это случается не так часто, я был уверен, что он думает: «Никто меня так не ласкает».

Он спал рядом со мной, я всегда прошу, чтобы он остался, но на этот раз я не настаивал, он задремал у меня на руках, слушая музыку, как незадолго до того перед телевизором, пока набиралась его ванна; забыв обо всем, и о том моменте, когда пора опом-

ниться, я продолжаю сосать и дрочить ему, пока он спит, я кладу его руку на мой член, я сжимаю ее, по движениям его пальцев убеждаюсь, что он не подозревает о том, что я кончаю, я засыпаю возле него, внезапно просыпаюсь, сползаю с кровати, чтобы выключить свет, он полностью раздевается, оставаясь на покрывале, я спрашиваю, почему он не хочет укрыться, он говорит, что потеет, позже он скрючивается в приступе кашля, вздрагивает и садится, начали петь птицы, пять часов утра, я рассказываю Венсану об Амазонке, он идет к окну, наливает целый стакан водки на кухне. Проснувшись посреди следов, оставленных этим обожаемым мной и исчезнувшим телом, я был готов полоскать рот нашатырем и посыпать серой простыню и подушки.

Теперь, глядя на вену на своей правой руке, я хочу проткнуть ее у него на глазах тонкой иглой шприца.

Эпизод, о котором я позабыл: я знал Венсана чуть больше года, я должен был присутствовать на встречах фотографов в Арле, я пригласил его поехать со мной, он не мог, я на всякий случай оставил ему название го-

стиницы. Вечером, когда я собирался на показ, я увидел его возле решеток Арен* . Я был так счастлив, что даже похолодел от этого, парализованный леденящим счастьем. Он говорит мне: «Я сейчас околею, я ехал весь день автостопом, чтобы добраться к тебе, пойдём в твою гостиницу». Я мечтал и мечтаю лишь о том моменте, когда окажусь с ним в гостиничной постели, и, тем не менее, мои губы сухо возражают ему: «Пойдем туда попозже, сначала посмотрим выставку». В конце показа Венсан объявил мне, что уезжает обратно; за ледяным счастьем последовало жгучее горе.

23

Из-за того, что я видел, как он танцует под эту мелодию, он снова появляется в пустом пространстве, внезапно наполнившемся музыкой.

Мне снится сон: Венсан сосет у меня, наконец-то мне удастся засунуть член ему в рот, я замечаю у него под языком малень-

* Арены, или римский амфитеатр, одна из главных достопримечательностей города Арль. Построены в конце I века н.э. На Аренах проходят различные культурные мероприятия.

кие белые звездочки, точно такие же, как на ночнике в виде звездного глобуса, который я оставил включенным, когда ложился.

24 Хорошая выдумка, как звонить ему, когда я страшусь этого: сделать погромче музыки и говорить под ее звуки, музыка поглощает тревогу.

Он рассказывает мне омерзительные вещи: в этом африканском ресторане, где он проводит вечера, у большинства типов СПИД, на кухнях трахают без презервативов бедных голодных девочек, расплачиваясь куском жареного акульего мяса.

Прямо перед тем, как он пришел, я брился вечером второй раз, чтобы не царапать его кожу.

Он приходит в нейлоновом, красном, как мак, комбинезоне мотоциклиста, из которого нелепо торчит его голова, я хохочу, он говорит мне, что раз так, то он пойдет обратно, я удерживаю его, он не хочет рассказывать, чем занимался днем, он говорит, что никому не признается в том, что у него ломки без героина, я прошу его показать руки, он принимается демонстрировать свой комбинезон, снимает его, как кожуру с банана, сверху вниз, показывает белое хлопковое нижнее белье на пуговицах, облегающее его талию, теперь он заявляет, что весь день занимался кроссом, он отталкивает мою руку, позже вечером он достает из своего комбинезона член, я потребовал от него ласки, он, стоя, дает у него пососать, глядя, как трахают девок на видео.

25

Я отдал ему лампу из медного сплава, слоновой кости и лакированного синим кобальтом дерева, которой он восхищался; я купил ее пятнадцать лет назад на первые заработанные деньги, добавив двадцать золотых долларов, которые дала мне на хранение бабушка, когда мне было десять лет.

Он был в полутора тысячах километров, я вновь танцевал с другим и с такой силой отдавался танцу, словно он мог меня видеть; я хотел ошеломить его.

26

Я пришел гораздо раньше, поезд еще пустой; вымотанный ночной попойкой, я решаю отдохнуть в своем купе в темноте. Резкий свет с потолка, штора опущена, мне хочется и выключить свет, и поднять штору, но, так как эти два движения не сделать одновременно, после короткого неосознанного колебания я поднимаю штору до того, как выключить свет, и оказываюсь в нескольких десятках сантиметрах, отделенный лишь оконными стеклами стоящих рядом поездов, от двух парней, которые, сидя друг против друга, тычут себе в вены; я вижу их, они видят меня в ярком свете купе, но это слишком священный, слишком сильный и слишком решающий момент, чтобы откладывать его из-за какого-то вуайериста; у меня колотится сердце, мне страшно, и в то же время я зачарован, ибо у меня такое чувство, будто я присутствую на спектакле (я никогда не видел такого, разве что в кино, и каждый раз подобная сцена выглядела чересчур демонстративно, равно как и кровотечение из носа: даже если все по-настоящему, – поверить не удастся), более интимном, чем половой акт, безрассудно неистовом и сооб-

щническом; я погасил свет, когда они меня заметили, я отступаю в темноту, я наблюдаю за ними, я смотрю на них неотрывно, это невероятно красивый спектакль, полный такой красоты, которая могла бы вызвать у меня желание, очертя голову, принять в нем участие, оказаться по ту сторону этих стекол; готово, они нашли вену почти одновременно и потом бросают шприцы на пол, снимают повязки и растирают руки, встряхивают ими, поднимают, словно чтобы дать веществу побыстрее добраться до сердца или мозга, закрывают глаза, закуривают, не бросая в мою сторону ни единого взгляда; тот, который виден лучше, когда я сажусь, начинает чесать шею, затылок, потом поднимает штанину, чтобы почесать лодыжку; они больше не разговаривают; он встает и приближается ко мне всего на несколько сантиметров, чтобы открыть окно в коридоре, он снова садится, наслаждаясь свежим воздухом, потом снова встает, чтобы выбросить шприцы из окна, я опасаясь, что он швырнет их в мою сторону и они стукнутся о стекло, но нет, я для него больше не существую, он просто бросает их на пути; они снова друг против друга в купе пустого поезда, а я продолжаю упиваться созерцанием; внезапно они тоже оказываются в темноте; через миг мне удается различить две красные точки их сигарет, которые поднимаются и начинают порхать над выключателем неработающего ночника; они выходят в коридор, я приклеиваюсь носом к окошку, чтобы не терять их

из виду, один сел в соседнем купе, где ночник работает, другой ушел дальше по коридору; в темный коридор вваливается проводник и прогоняет их, словно обыкновенных бродяг. По возвращении я рассказываю эту историю Венсану, он говорит, что колоться отвратно.

28

1988. Я застаю Венсана в его магазинчике, он читает почерневшую от огня книжку, почесывая ступню.

Мы оба кончили; это было впервые, да?

Венсан говорил мне: «У меня грибок», он говорил: «У меня чесотка», он говорил: «У меня сифилис», он говорил: «У меня вши», и я прижимал его к себе.

В ванной комнате отеля в Сабль-д'Олон, в которой он выплеснул половину воды из ванны, я сел позади него на корточки и начал сосать его член, просунув голову меж ягодиц, он сказал мне: «У тебя хорошо получается, если бы у тебя была грудь, я бы сейчас же на тебе женился». Позже, во второй половине дня, лежа валетом на одной из кроватей, я сосу у него, пока он дронит мне, я смотрю на нас, я спрашиваю у него, могу ли я сфотографировать эту сцену, его член, выходящий в слюне из моего рта, и его руку, которая держит за мой член, он отказывается, я кончаю, он говорит, что я скорчил страшную рожу.

29

Отныне в своем ежедневнике я из суеверия добавляю рядом с его именем вопросительный знак.

Рядом с ним я смотрю порнокассеты с девочками, ласкаю его тело, засунув руку под одежду, его рука не позволяет мне прикоснуться к его члену, через полчаса он убирает руку, я тереблю его член, просунув руку в штаны, которые мне не удалось расстегнуть, я вижу сбоку от нас картинку, вызывающую у меня особое волнение, на экране появляется

мальчик, лижущий то входящий, то выходящий из вагины член; Венсан рядом со мной засыпает.

30 Этим утром в постели Т. и К. * я дро-
чу, выдумывая вечный сценарий: у меня есть
право лизать Венсана, – мы договорились об
этом, – но мне нельзя у него сосать; каждый
раз, когда я буду пытаться, несмотря на за-
прет, это делать, он имеет право бить меня до
крови.

Так как однажды я провел празднич-
ный вечер с ним (это было прошлое Рожде-
ство), каждый новый праздник для меня про-
ходит в его присутствии.

Я совершенно случайно нашел, загля-
нув, хотя не должен был туда заглядывать, в
коробку диска, который больше не слушаю,
малюсенький блестящий солодкового цвета
кусочек опиума, который сделал нас счаст-

* Тьери Джуно и его подруга Кристин.

ливыми два года назад, и который, я думал, Венсан у меня стянул. Новый ритуал позволяет мне получить доступ к его телу, пока он наливает в стакан воду, кладет туда лед и накрывает все алюминиевой фольгой с дырочкой, закрепляет резинкой, насыпает поверх кучку сигаретного пепла, чтобы лучше тлел потрескивающий шарик; но прежнее очарование улетучилось.

31

Еще один вечер с Венсаном, один из последних? Он дарит мне на день рождения маленькую деревянную расческу и медовое мыло, я случайно вытащил из помойки обертку, которую он оставил, не предупредив, что там записка, я читаю ее, таю, настолько она кажется мне ласковой; уходя, он забирает ее у меня и прячет в свой бумажник.

Теперь он хочет познакомить меня со своим братом, которого я еще не знаю; он говорит, что мы с тем похожи.

Он перечитал мою книгу «Путешествие с двумя детьми», он говорит, что она показала ему его уродливые черты.

32

Я храню воспоминание о вечере долгие и долгие часы, долгие дни, прежде чем рассказать о нем. Чаще всего он остается в памяти в виде какого-то образа: поздно ночью, сидя на своей постели, я держу Венсана на руках, он вытянулся, почти потеряв сознание, с закрытыми глазами, одна рука поддерживает его затылок, другая держит его под ляжками, из-за моих ласк его майка поднялась кверху почти до самой шеи, его трусы я не снимал; союз моих ладоней и его тела исчерпан, в этой тесной позе Пьеты я могу касаться его тела только краешком губ, когда прикладываю их то к его соску, то к его источенным герпесом губам, то к кончику его члена, оставшаяся на его груди слюна (героин + гашиш) заставляет его проснуться.

Он пришел на два часа позже. Я, жадно хватая его в охапку, кидаю его на постель; зажимаю ему голову локтем, вырываю ему волосы, с силой щиплю его нос, выворачиваю

ему пальцы, давлЮ ему на глаза, просовываЮ руку под его одежду, чтобы ощутить жар его тела.

Когда я сотру его с карты, этого жалкого маленького придурка?

33

Он должен бояться противостоять мне: из страха снова стать придуманным мной персонажем.

Я жду того, кто смог бы разделить со мной жизнь в ближайшие пару лет и кто, вероятно, ее со мной не разделит.

Мой сон: мы целой ватагой заходим в дом, но отопление не работает, большинство собирается уматывать обратно, и Венсан, как ни в чем ни бывало, говорит: «Как-нибудь справимся», что я толкую, как «Лично я остаюсь с тобой». Вся моя ночь вертится вокруг этих сладких слов.

(Как я люблю Венсана: готов вскрыть себе грудь, чтобы положить сердце к его ногам.)

34

Он словно золотая рыбка, лучившаяся светом весь вечер, к концу дороги угасает, чтобы избежать моей ласки, я тянусь губами к черной дыре.

Столько разных личин, которые я хотел надеть на Венсана: личина шлюхи, личина ребенка, личина проходимца, личина садиста, личина первого встречного.

Я люблю Венсана, вот в чем проблема. А как же мое подлинное одиночество? Бернар* говорит мне, что невозможно заставить другого человека разделить тот пыл, который ты к нему питаешь.

* Фотограф Бернар Фокон.

Он берет меня с собой к своему дилеру, он сходил за деньгами к приятелю, я добавляю оставшуюся часть, мы поднимаемся на шестой этаж, тип перед телевизором поглощает гамбургер, который он заказал на дом, там же находится еще один парень, довольно красивый, худой, весь в черном, я видел, как он приехал на мотоцикле, пока ждал Венсана в машине; пол-одиннадцатого, дилер не может отыскать клочок белой бумаги, в который завернут порошок, он помнит, что показал его своему приятелю, но не знает, куда припрятал, он заглядывает под валяющиеся в беспорядке вещи, начинает нервничать, его приятель говорит, чтобы он успокоился, доел, посмотрел телевизор, подумал о чем-нибудь другом, и тогда он вспомнит, но он не вспоминает, он зовет Венсана в коридор, чтобы спросить, не доносчик ли я.

Венсан великолепный, элегантный, нежный, веселый: он называет меня «мой Гибер» и услаждает мой слух, целует меня. В конце вечера он меня бросает, отказывая в ласке, говорит, что Библия осуждает гомосек-

суалистов, добавляет, что каждый раз, когда я мог им попользоваться, это случилось только потому, что он был до смерти пьян.

36 Когда я смотрел на покрытые легким пушком щеки этой красивой девушки, не пользующейся косметикой, мне показалось, что это кожа Венсана, которую я так люблю целовать.

Зашел увидаться с Венсаном к нему на работу в метро за несколько часов до его отъезда в Португалию, куда он не хотел меня с собой брать. Он говорит о моем себялюбии, я нахожу его безобразным.

Я позвонил ему, я решился задать ему этот вопрос: «Ты бы не смог мне продаться? Четыре сотни за полчаса, я у тебя полижу». Это неправда, я не осмелился.

Он рассказывает, что курил косяк, сидя на роже торговли конфетами, и она лизала ему задницу. Он говорит, увеличивая громкость музыки: «Не так уж и поздно». Я отвечаю: «Соседей все равно нет дома, ты можешь меня избить, никто не услышит».

37

Венсан приходит, опоздав на час, он говорит: "Я приготовил для тебя новую смесь духов, «ваниль-мускат»", – и расстегивает рубашку, чтобы дать мне почувствовать запах, я целую его грудь.

Вчера вечером у члена Венсана был запах, как у новых книг «Зеленой библиотеки».

Внезапно вечером – может быть, из-за наркотика, – мне показалось очевидным, что Венсан – мой убийца, что я только из-за этого с ним встречался, и что сегодня он равнодушно, нелепо убьет меня с душераздирающей банальностью.

Венсан прямо напротив меня, у меня нет к нему ни малейшего влечения, у него голые ступни, и столь далеко то время, когда я мог сосать их часами напролет (я вспоминаю об этом, он ничего об этом не помнит); даже поцеловать их краешком губ было бы ненормально.

Накануне он переезжал и приходит теперь измотанный, он еле поднялся ко мне на шестой этаж, он просит меня растереть его икры мазью; на этот раз в картине есть что-то ничтожное, но она все равно мне нравится.

Он лежал рядом со мной раздетый, но я был настолько пьян, что моя память ничего не сохранила от той обнаженности: словно он не был голым, словно его здесь не было.

Обожаю такое: он устраивает в моей кровати настоящую сцену, он требует, чтобы я его насиловал, чтобы, лаская его, я постоян-

но сдавливал его соски. Он боится доверить свой член моим губам, боится, что внезапное безумие заставит меня его съесть.

Это уже не Китон, это Борис Карлофф: когда я вижу, как он идет со шрамом на лбу, тараща свой черный глаз, перемазанные волосы торчком, меня охватывает ужас, близкий к хохоту. 39

Он уходит, я спотыкаюсь, я хочу вставить в розетку вилку, которую случайно уронил, меня шарахает током.

Вечер с Венсаном, что-то новенькое: меня вырвало.

Если бы я не остановился на Венсане, я бы желал весь земной шар: непрерывная икота похоти, взгляд оборванца.

Я вновь достал его фотографию, долго смотрел в изображенные на ней глаза, еще раз был очарован тем, как аккуратно расположена родинка с левой стороны его торса (я одолжил «Лейку» Т.: я навел резкость на глаза или на соски?). Сегодня вечером мне остается только сделать фотографию фотографии, возложенной словно на жертвенник, освещенной тремя лампочками миниатюрного светильника, купленного на распродаже. Фотография фотографии: способ отчасти утратить ясность переживания, отделить его самого от его ложного присутствия.

Писать о нем – значит получать удовлетворение.

Оцепенение возвращения: удушающая жара, гнетущая пустота этих праздничных дней и растущая одержимость, похожая на гигантскую, нелепую марионетку: член Венсана, измученный и вялый, влажный, ничтожный.

Всегда счастлив вновь увидеть его там, где не ожидаю, увидеть его лицо, его несимметричные глаза, это тяжелое веко, опускающееся от усталости, его узкий и сочный потрескавшийся рот: на портрете Хорста кисти Берара*, среди страниц альбома, который листаю, в этих фотографиях Бастера Китона, вклеенных в его «Мемуары», которые я читаю, чтобы спастись от мрачной запутанности Фолкнера.

В гостиной его отсутствующих родителей, куда я захожу впервые, на мебели выставлены фотографии детей: трех мальчиков и девочки. Большая черно-белая фотография совсем маленького Венсана с его великолепной улыбкой, которая осталась до сих пор, фотография спрятана за маленькими снимками трех других; среди них изображение сияющего мальчика, старшего брата, которого я никогда не видел. «Не горю желанием, чтобы ты с ним встречался... – говорит мне Венсан, заметив, что я рассматриваю снимок, – так

* Кристиан Берар (1902-1949) – художник, сценограф, декоратор. Портрет фотографа Хорста П. Хорста (1906-1999) написан в 1934 году.

как он тоже был бы не прочь с тобой познакомиться». Взятый напрокат ровер ждет внизу, мы покидаем квартиру.

42 Если я так дорожу им, то это потому, что он единственный, кто позволяет мне сохранить связь с моей юностью; ее иллюзорное присутствие проявляется в сиянии, в возрастании, в избытке.

На следующее утро мерзкая картина, висевшая напротив уютной постели, в которой я наконец-то выспался, уже давно потеряв сон и обретя его вновь как будто из-за лучащегося рядом со мной тела, так и лежала снятой с крюка, ее надо было повесить обратно прежде, чем мы покинем номер: Венсан, словно делая последний маленький подарок, влез на стул и преувеличенно криво вешал картину, давая мне время спустить его штаны и поцеловать маленькие, белые, столь крепкие ягодицы, напрягшиеся из-за угрозы, что я, мечтая о дырочке, коснусь их языком.

Я наконец-то присоединяюсь к нему; мы холодно обмениваемся несколькими словами; он не поедет; внезапно я словно бы утратил свой пол. Немногим больше месяца назад мы вместе принимали ванну; он поднялся, член у него стоял, покрытый пеной, я сосал его до тех пор, пока у него снова не появился присущий ему вкус... мне остается только думать об этом: прошел ровно год с тех пор, когда я даже не мог представить, что через какие-нибудь шесть месяцев мы будем танцевать на Рождественском вечере вальсы в «Лондон Клуб» пьяные, обвивая друг друга и засовывая друг другу в рот языки. Ни одно из моих тогдашних мечтаний не могло быть настолько счастливым, как эта грядущая реальность. Может быть, мне уготовано еще немало такого блаженства?

43

Воспринимать его как проститутку – вот к чему следовало бы прийти.

Каждый раз, когда я звоню ему, я унижаюсь. Только что пробовал возбудиться и подрочить, сося большой палец, заставляя себя думать о его маленьком члене, но ни о чем думать не смог.

Мне бы хотелось сфотографировать его поднявшийся член, обложенный со всех сторон розоватыми, бледными, благоухающими цветками пионов; мне бы понравились брызги его крови в тот момент, когда буду его закалывать, понравилось бы испытывать отвращение и счастье от того, что на меня летят теплые ошметки его мозга, когда раздроблю его череп; да, мне бы хотелось коснуться его мозгов.

Впервые услышал в его голосе нотки нечистой совести, когда он отказывался от приглашения, вот прекрасный повод для разрыва. Наспех поставить крест. Воспоминание о том дне, когда я даже не был счастлив от того, что заставил его плакать.

То, что вечером увижусь с Венсаном, радует меня с самого утра, с прошлого вечера, со вчерашнего утра, с позавчерашнего дня; в последний раз он отказался от приглашения в самую последнюю минуту.

Венсан в больнице: в отличной форме, уже два дня спит, трезвеет, «поправляется». Кажется, он рад, что я пришел. Я открываю дверцу шкафа, чтобы нас нельзя было увидеть из сквозной двери, и срываю покрывало, я насильно вытаскиваю его член из спортивных брюк и розовых трусов, которые ему подарил, пытаюсь его пососать, Венсан отбивается, я его шлепаю. Пятью минутами позже натыкаюсь в коридоре на его родителей, они выглядят моложе, чем казалось по голосам; они смотрят на меня пристально, с уважением, как если б я был начальником их сына.

С ним я полностью утратил чувство собственного достоинства; не из-за этого ли я был столь сильно к нему привязан?

Кого мне не хватает в жизни: того, кто сумеет меня побить; я думал какое-то время, что им окажется Т., что это одна из присущих ему черт, второе его естество, но из этого ничего не получилось; я думал долгое время, что

это будет Венсан, но и из этого ничего не получается. Иногда я опасаясь необходимости подобных обозначений, но, когда начинаю писать, сразу же появляется то, что должно было присутствовать в тексте только намеком: нечто невыразимое.

46

Я вернулся к витрине антикварного магазина; желанная картина исчезла; аренда ровера, который мы взяли с Венсаном напрокат, стоила ровно столько, сколько картина.

Он взял с собой в нашу поездку не наркотики, а бутылку с лосьоном из цветов шиповника, дабы нежность кожи послужила нашему счастью и обману чувств. Конечно же, снова хорошо сплю возле него, засыпаю рядом, когда он смотрит телевизор; повседневная маленькая радость других людей становится моей большой, особенной радостью.

Вторую половину дня я провел, пытаюсь расширить свою задницу искусственным членом, чтобы Венсан мог войти туда безбо-

лезненно; когда он позвонил, я как раз смы-
вал дерьмо и смазывал дилдо; я рассчитывал
провести вечер с Венсаном и затычкой в за-
днице, но не говорить ничего, а развлекать
себя мыслями о том, когда решусь ему в этом
признаться.

47

В семь часов вечера Венсан, находясь
на работе, отменяет встречу. Говорит ли он
правду («Я не в форме», «Чувствую себя уста-
лым, хотя ничего такого не делал», «У меня
болит горло») или же врет, неоспоримо, что
сегодня вечером он предпочитает меня не ви-
деть, и на это мне нечего ему сказать.

Вечер с Венсаном, полный провал. Мы
оба пытаемся избавиться от этого впечатле-
ния, он достает из бумажника презерватив
и пытается отыметь меня в зад; хотя я это-
го очень хочу, мне не удается впустить его
внутрь, он говорит мне, что не трахает дев-
ственниц. Я долго у него сосу до тех пор, пока
он не засыпает. Четыре часа утра, у него по-
нос, он уходит.

Я включил все светильники, я жду Венсана, я снова думаю о самоубийстве.

48

Воскресенье, девять утра, тишина и одиночество; у меня по-прежнему боли в животе; с самого утра я готовлюсь к его вечернему приходу: я включаю в спальне радиатор, хотя обычно оставляю его выключенным, чтобы не думать, что надо включить, потому что я все равно выключаю отопление, уходя обедать к своим двоюродным бабушкам, а автоматический регулятор включает его ближе к вечеру, таким образом, моя спальня не будет ни слишком перегрета, ни холодна, но температура воздуха вызовет у него желание раздеться; я, не раздумывая, надеваю свои любимые плавки, хотя они весь день будут сильно давить резинкой на рану с содранной кожей от опоясывающего лишая; девять утра, он спит, вчера вечером он кутил; я знаю, как он спит, я знаю, как лежит его рука, сложенная на груди, я знаю каждое сочленение его тела, лучше, чем любой, кто в настоящее время может разделять с ним сон, я хочу быть для него, для его тела непревзойденным; этим вечером он вновь попадет в поле моего зрения, во власть моих рук; именно его рука заставила меня в последний раз кончить, из-за болезни с тех пор прошли уже две недели; у меня ис-

кушение думать, что отныне только у его рук есть право приносить мне облегчение; я снова вспоминаю о том, что мне рассказала Софи о своих отношениях с Бенуа: чтобы она начала его бить, он взялся бить ее сам, – отказ приводит к порабощению, – вначале это вызывало у нее отвращение, а потом он чрезвычайно к ней привязался, она же была потрясена образом безоружного человека, окруженного своими призраками.

49

Как обыденны все события, связанные с Венсаном и описанные в этом дневнике, это ничтожное воспроизведение драгоценных вещей.

Забавный вечер: я корчусь от судорог в животе; я решил поужинать один по-вегетариански, а потом пересмотреть «Андрея Рублева»; около семи часов звонит Венсан, он говорит, что коза его кинула; от Вечера с Венсаном не отказываются; я жду его, ничего не пью, это обыкновенная радость, может быть, превосходящая радость опьянения, не вызывающая никакой тревоги; он перезванивает в восемь двадцать сказать, что его машина сломалась в трехстах метрах от дома, и что в

моих интересах в это поверить, потому что он вспотел, озверел, крайне устал и ждет, когда придет починить машину какой-то его товарищ; я весело желаю ему мужества и отправляюсь в путь, следуя изначальному плану на вечер.

50

Венсан занят: он должен был получить зарплату и предпочитает истратить ее без меня, с девочками, подлец.

Вчера вечером, ожидая Венсана, с волнением перечитал «Фрагменты речи влюбленного»: впечатление, что я часто следую тому, о чем писал Барт.

Двадцать минут десятого, погода прекрасная, я собираюсь работать; вчера вечером я выпил слишком много водки, за алкоголь братья не следует; Венсан был серым, взгляд мрачный; он привлекает меня даже когда плохо выглядит, три дня назад он сиял; на деньги, полученные за работу у Бернара, он купил себе спортивный костюм с двумя

цветными полосками на груди; после ужина я тяну за резинку брюк, чтобы как следует у него пососать, я слежу за тем, что делаю, я лижу его совсем маленькие помятые яйца, он говорит мне, что я в этот вечер как сумасшедший; он дрожит мне, пока я не кончу, говорит, что теперь его рука научилась делать так, чтобы я кончил, и что мой оргазм – это целая история, я кричал; он не желает, чтобы я помог ему спустить, говорит, что он импотент.

51

Да, ждать его – восхитительно; запьянеть в его ожидании – восхитительно (я, как и всегда, пишу, я одновременно ученый и крыса, которую он потрошит ради учебы).

Под дверью загорится луч света, я слежу за ним и слежу за шагами, которые поднимаются выше моей лестничной площадки, на время избавляя меня от напряжения; раздастся стук его пальцев в дверь, или, если музыка будет слишком громкой, прозвенит короткий звонок; это ожидание заставляет меня немного страдать, мне нравится мое ожидание; теперь я больше не жду его, чтобы начать пить, пока его нет, дабы потом, когда он придет, не выглядеть слишком зловеще.

Он придет; три раза сменить одежду;
быть влюбленным.

52

Неудовлетворение, упорство; все-таки наступающее безумное одиночество, в половине седьмого, когда я уже не уверен, что Венсан позвонит; до того, как я выпиваю первый стакан вина; я проработал весь день, думаю, довольно хорошо; в целом, я скорее несчастен.

Венсан зашел поставить мне выключатель и закончить работу, которую не доделал умерший молодой электрик: он поднялся на стул, встал на цыпочки, чтобы дотянуться до оставшихся на потолке проводов, которые нужно обрезать, стул шатается, я держу его за ляжки, мне кажется, что во всем этом есть что-то живописное, в том, как я легко касаюсь с двух сторон его синих брюк, в которые вдет кожаный ремень с медными вставками, в том, что малейшее движение может оголить его спину, и в том, как я удерживаю губы от

поцелуя (мое частое впечатление в эротических ситуациях, будто я зарисовываю различные позы, рисую прозрачные картины).

«Успокойся!» – говорит мне Венсан во время самого апогея.

53

На лезвии ножа, спустя неделю, еще остается немного порошка, подарившего мне счастье с Венсаном.

Когда я больше не чувствую, что влюблен в Венсана, мне кажется, что в моей жизни захлопывается некая дверь.

Никчемный вечер с Венсаном. Я должен был бы соблюдать тот темп, который он сам, как ни в чем не бывало, задает нашим отношениям: «время от времени» (я жалею на то, что не могу звонить ему, и что он сам никогда не звонит мне: «Нет, – говорит он, –

звоню, но время от времени»). Он скверно выглядит, у него потрепанный вид из-за работы, он говорит, что уволится через полгода, чтобы получить пособие. Я привожу его в какой-то паршивый ресторан. Он вновь поднимается ко мне, словно, чтобы не оставлять меня одного, но говорит, что останется ненадолго, он должен поспать. Я снимаю с него четыре слоя свитеров и маек, черные брюки он не снимает, остается сидеть с голым торсом, мне очень нравится сейчас его тело, к нему вернулась какая-то сочность. Мы ссоримся. В тот момент, когда он хочет уйти, я с силой дрючу у его ног, он говорит мне, чтобы я не запачкал его брюки; я продолжаю сосать у него и все это время чувствую, как все четыре слоя одежды трутся о мой лоб, он застегивается; протягивая ему правую руку, я держу ремень, которым он пробовал меня бить, он не сразу забирает его обратно; я наслаждаюсь тем, что чувствую некое живописное ослепление в наших замерших позах, которые очень скоро изменятся, когда мое удовольствие позволит мне поднять голову и посмотреть ему в лицо. Он застегивает ремень, я и правда хотел бы, чтобы он выпорол меня, но, учитывая, какие внизу соседи, это несколько затруднительно; надо было бы пойти в гостиницу, чтобы меня побили (и вот снова один персонаж романа, который постепенно вырисовывается у меня внутри).

Я всегда говорю себе: я не буду ему звонить, а потом звоню – вскоре после последней встречи. Я боюсь, что попаду на его начальника, я пытаюсь говорить решительным, безразличным голосом, но, когда я попадаю именно на начальника, мой голос срывается на имени Венсана, и то, как начальник говорит «Не вешайте трубку», дает понять, что он учуял мою влюбленность, и от этого смешно. Я знаю, что моя манера говорить, моя быстрота, моя уверенность будут решающими, мне придется заплатить за любое колебание, придется заплатить за мою чувственную интонацию. Я знаю, что нежданно-негаданно выпалить «Вечером увидимся», и лучше с восклицательной интонацией, нежели с вопросительной, дает мне больше шансов, чем «Ты вечером свободен?». Захваченный врасплох, он всегда какое-то мгновение колеблется, он понимает, что я знаю об этой возможности прибегнуть ко лжи, и, что, если он отказывается, это необязательно значит, что он занят, однако он так решил, он распознал предел пафоса в моем голосе и не хочет прийти на помощь; он соглашается только, когда к тому есть обоюдная расположенность; он всегда диагностирует нашу связь.

Я встаю рано; часы, которыми я пользуюсь с первого причастия, не прекращают коварно останавливаться; я думаю: в это время он должен вставать, как он мне рассказывал, его отец или мать кричат за дверью, чтобы он поторопился; чуть позже я думаю: он пришел в лавку, он взвешивает пакетики с табаком, он занимается доставкой; я сдерживаюсь, чтобы позвонить ему, я боюсь попасть на его начальника.

В прихожей установлена эта электрическая система низкого напряжения, молодой электрик, согласно договоренности, должен был вернуться, чтобы ее доделать: провода торчат, в потолке необдуманно проделано множество дырок. Я смотрю на эту замысловатую световую систему (было стыдно признаться спросившему об этом молодому электрику, сколько она стоит), я смотрю на эти неуклюжие провода, я думаю: неделю назад он трогал их, он должен был снова коснуться их; в субботу утром его мать нашла его мертвым в постели. Я попрошу Венсана закончить работу.

Венсан испражнялся, сидя на унитазе, и я пытался у него пососать: это был не какой-то порок, извращение или попытка возбудиться особым образом, это был простой любовный порыв.

57

Словно отравлен этим счастьем: невозможно растопить его в текущей жизни, не хотеть восстановить его, воссоздать; лишь снова увидеть его, его самого!

Он ласкал меня, он сказал: «Если бы я остался, я бы тебя рисовал, а ты бы спал рядом», – и положил голову мне на грудь.

Пусть он хотя бы позволит мне расточать ему ту любовь, на которую я способен, и я останусь живым в этом мире!

Нужно иметь силы свидетельствовать об этой минуте, ибо то была минута великая, но нужно, чтобы рассказ о ней был таким же кристальным, как стихотворение Кавафиса: это священный бесплотный монумент человеческой любви. В такой-то день, в такой-то час этот персонаж потонул в своей любви, он чувствовал, как его сердце бьется в груди другого, которого он сжимал в объятиях, его тело больше ему не принадлежало, это был некий дар, и другой благосклонно смотрел, чтобы он не задохнулся в волне, и с нежностью держал его на плаву в своих руках посреди бескрайней вечности (кокаин на траве из Конго).

«По какому поводу?», – спрашивает меня мать Венсана; желание сказать ей: «Это по поводу его члена, мадам, мне нужно как можно скорее его пососать».

Венсан меланхоличен: несмотря на настойчивость Пьера, остановившегося ненадолго в Париже, он не захотел снова с ним спать; чтобы отомстить, Пьер поколотил его подружку. Принимаем кокаин; как замечает Венсан, «никакого особенного эффекта», мне нет дела до его члена, который я так люблю.

Его глаза прикрыты розовыми веками, я снова думаю обо всех этих днях, когда был счастлив возле него.

Я начал у него сосать, он говорит мне: «Тебе это не мешает? Утром он был в письке у Фло, и я его не помыл». 59

Я просунул руку под его ягодицами, чтобы взяться за его член, и он говорит мне: «Именно так у меня и сосал мой преподаватель по айкидо».

Во время попойки: мне не хватает Венсана, его маленького члена, его тихого смеха.

Вечер с Венсаном: дрович друг другу, смеемся.

Я думаю, что больше не влюблен в Венсана, я ему больше не звоню. Но я хожу посмотреть в витрину «Зорро», сидит ли он там внутри.

60

Впечатление, что потерял жениха, слишком важного для меня человека: Венсана.

1987. Венсан: ничтожество его лица, его одежды, его жизни. По ночам изучает историю хрустала и фарфора, встает в семь утра, чтобы идти на занятия по продаже товаров на дому, во второй половине дня обходит квартиры, вечером идет напиваться пивом и мескалем в «Зорро», бар для забулдыг на «Бастилии».

Рождественский вечер, героин и алкоголь, я танцую, не отрываясь от губ Венсана.

Венсан говорит мне, когда я оплачиваю счет после того, как мы проглотили оленину с кровью: «Триста пятьдесят франков, чтобы поужинать со мной, значит, ты либо любишь меня, либо ты богатый, либо у тебя нет никакого понятия о деньгах». Он кладет счет в карман, чтобы показать своей матери.

61

Чтобы мне подрочить, Венсан принуждает меня грезить вслух о любовницах, которых у меня не было. Конечно же, он видит в мечтах мою сестру, заставляет меня ее описывать, просит меня, чтобы она с ним встретилась, чтобы я отдал ее ему.

Забыл написать о случае, когда Венсан был в слезах, самое главное: идя рядом с ним обратно в самом низу Елисейских полей, не поворачиваясь к нему, я почувствовал, как меня, уверенного, что я больше его не люблю, внезапно охватывает необычайный любовный порыв, заставляющий взять его на руки – при том, что я не осмеливаюсь на него смотреть, – и сильно прижать к себе. Но в эту минуту у меня такое ощущение, что то, что я

сейчас сжимаю, не имеет никакой плотности: это, конечно, не кто иной, как Венсан, которого я сжимаю в своих руках, но это даже не я сам, это, скорее, символ или призрак любви, которая у меня была к Венсану, и он до того истощен, что я больше ничего не могу с ним поделаться, он тает меж моих рук, все еще веря, что они его держат.

62

Как-то на днях, звоня Венсану, я попадаю на его мать, она говорит мне: «Это Эрве? Вы позволите задать вам один вопрос?». (Я заранее начинаю дрожать). «Первая буква вашего имени произносится с придыханием?». Я отвечаю, что не имею никакого понятия. Она спрашивает: «Ну, ставят ли перед вашим именем соединительную согласную?». Так как я остаюсь с разинутым ртом, она добавляет: «Понимаете, мы чуть было не нарекли именем «Эрве» брата Венсана, мы даже звали его «Эрве» целых три дня, но эта проблема с придыхательным звуком оставалась для нас неясной, и, в конце концов, мы дали ему имя «Грегуар», но теперь я об этом жалею... Ладно, передаю вам Венсана».

Было условлено, что вчера я должен был ужинать у Бернара вместе с Венсаном, и что потом мы оба останемся спать на разложенном у камина диване. Венсан заявляется полдвенадцатого ночи с душераздирающей историей, объясняющей его опоздание. Я вдруг вижу его глазами Бернара: влюбленный взгляд мутится от реальности. Мы быстро расстаемся; у меня больше нет желания ехать с ним на остров Эльба.

63

Ужасно влюблен? Разве не служит любовь поводом для отчаяния?

Венсан касается кончиком языка моих губ, потом едва касается им моего языка: только это, ничего больше, одно потрясающее мгновение.

Однажды вечером, – в тот день понастоящему похолодало, – у нас была назначена встреча в семь часов перед кинотеатром «Сен-Жермен», мы собирались посмотреть

«Дурную кровь»*. Я за стойкой кафе пью чай, вижу его за окном на скамейке; наконец, он меня замечает, поднимается, на нем куртка с меховым воротником, в руке скейтборд. Он кажется довольно оживленным. Он говорит мне, что забыл все случившееся прошлым вечером и просит рассказать ему о том фильме, который мы вместе смотрели несколько дней назад, «Вне закона»** . Я счастлив, что смотрю вместе с ним этот новый фильм, который хотел посмотреть вместе со мной Т.: потеря сознания во время падения с парашютом, сумасшедший бег под песню Боуи, разговаривающий мертвый чревоушитель... Счастье. Мы идем ужинать во вьетнамский ресторан на рю Пренсес. Он говорит мне, что должен пойти на какую-то вечеринку, я прошу его все-таки заглянуть на несколько минут ко мне, мы раздеваемся и ложимся в постель, он говорит, чтобы я не трогал его член, он сам подорожит мне при условии, что я не буду на него смотреть, я закрываю глаза, приоткрываю их: он вытянул ко мне ладонь, приблизив ее к моим векам, их не касаясь и отбрасывая на них тень; в какой-то момент – я не знаю, чем именно, губами или языком, – это всего лишь какая-то секунда, – я чувствую, что он пробует мой член. Я кончаю, говоря ему: «У меня нет права на тебя смотреть, но ты же на меня смотришь?». Уходя, он становится на

* Mauvais sang, фильм Лео Каракса.

** Down by Law, фильм Джима Джармуша.

колени, чтобы потереть мне член меховым воротником своей куртки, он говорит, что одолжил ее у Флоранс, и теперь она, не зная того, будет кутаться в запах моего члена.

Настолько запоздал в этой тетради, что должен теперь рассказать о двух вечерах с Венсаном, каждый из которых словно обратная сторона другого. Несколько дней до первого вечера я не переставал спрашивать себя, как прийти ему на помощь, я даже проконсультировался с Эди, психиатром, который выдал ему свидетельство о годности к службе, и мы пришли к заключению, что ничего нельзя сделать. Когда настал тот день, я, – найдя его опустошенным незнамо каким наркотиком, одетым, как сутенер, ошалевшим после кинотеатра и задающим мне вопросы семилетнего ребенка, а потом пускающим слюни в ресторане, не в силах притронуться к блюду, которое он, веря, что голоден, заказал, – бросаю его на Елисейских полях на станции метро «Франклин-Рузвельт» и иду дальше пешком до своей станции «Клемансо». На пересечении одного из коридоров он вываливается мне навстречу и говорит, что так расставаться нельзя. Уходя, я подумал, что больше никогда не увижу Венсана, каждый шаг между этих двух станций еще на одну отметку опускает железный занавес между нами. Я гово-

рю ему, что принимаю то, что наши отношения не удались, но они перешли приемлемые границы. Мы прислонились каждый к своей стороне туннеля, меж нами идут группы путешественников. Венсан снова уходит. У меня внезапный прилив доброты. Отправляюсь на его поиски: тут три возможных пути по коридорам, в двух первых его нет, в третьем он оказывается прямо передо мной, я спрашиваю себя, узнает ли он мои шаги, он не обращается, я говорю ему: «Венсан?» и замечаю, что он в слезах.

Одним прекрасным утром я направляюсь в лавку, в которой сначала увидел, а потом возвращался, чтобы увидеть вновь, пресытиться и потерять интерес к этой столь понравившейся мне картине, на которой изображен юноша с хмурым лицом, в черном костюме, – он заставляет меня думать о Венсане, – лежащий на голом плиточном полу и чертящий мелом непонятные линии. Я много дней прохожу мимо и вижу, что картина исчезла с витрины. Но мое веселое настроение заставляет меня думать, что удастся воспротивиться ожидаемому разочарованию, и я захожу в лавку. Торговца нет, его замещает некая женщина, которая меня никогда не видела. Я начинаю с того, что спрашиваю цену другой картины, а также о том, могу ли прой-

ти вглубь магазина, который представляет собой тесный коридор с увешанными стенами. Вскоре я замечаю очень большую картину, самую большую, она стоит на полу и повернута к стене. Я жду, когда женщина повернется ко мне спиной, чтобы небрежно перевернуть и узнать картину: в уголке прикреплена маленькая красная табличка, которую я сразу же прячу в кармане. Я окликаю продавщицу: «А эта вот сколько стоит?» – «Ах, эта, она уже продана». Я спрашиваю: «Какому-нибудь антиквару?» – «Нет, она скоро отправится за границу; почему вы спрашиваете? Она вам нравилась?». Я выхожу из магазина подавленный.

67

Такое сильное желание смотреть, как Венсан танцует, – (я пьян), – как он качается на своих волнах.

Последний вечер с Венсаном. Он добавляет в шампанское водку, говорит, что принимает антибиотики, он смертельно устал, к тому же он подхватил какую-то дрянь, он говорит о той штуковине, которая у него на ступнях и которую он в прошлый раз от меня скрыл, он сходил на прием к районному

дерматологу, это грибок, который он вовремя не успел обработать, я не должен к нему прикасаться, это не так уж заразно, но лучше поостеречься. Он спрашивает меня, хочу ли я посмотреть на его бляшки, я говорю, что да, он разувается и говорит мне: «Тебе показать самую уродливую ногу или другую?», я отвечаю: «Самую уродливую». Он снимает носок, хватается за ногу и показывает изгиб ступни, усыпанной красными сочащимися пятнышками, смазанными мазью. Потом поворачивается и приподнимает свитер, чтобы показать мне бляшку посередине спины. Он говорит, что это СПИД, он пойдет и ограбит банк: либо его завалят во время налета, либо он заберет бабло и пустит по ветру. Мы собираемся ужинать. Он возвращается вместе со мной, но собирается уходить, у него скоро встреча с каким-то типом из налоговой по поводу небольшой работы в сентябре, он хочет выглядеть в форме, я настаиваю, чтобы он все-таки поднялся, хотя бы на пять минут, он вежливо уступает, он говорит, что я камикадзе. На постели он сворачивается калачиком в моих объятьях, я тихо ласкаю его тело, он очень горячий. Утром я просыпаюсь с огромным отвращением. Я меняю все постельное белье. Я сыплю на себя противогрибковый порошок. Я назначаю во второй половине дня встречу с дерматологом, я лгу ему, говорю, что случайно переспал с парнем, которого, вероятно, больше никогда не увижу, с которым у меня нет никакого способа связаться, я описываю

ему бляшки Венсана, он утверждает, что ни один грибок в мире никогда так не выглядел.

Венсан отказывает мне в помощи: когда мне удастся на него обидеться? Я дрожу от уныния. От этой печальной очевидности: что больше всего я люблю того, кто больше всего меня оскорбляет. Перейти от этого к явному мазохизму, гораздо легче переносимому, чем мазохизм абстрактный?

69

Вечер с Венсаном. Он оживлен. Я рассказываю ему о своей последней интрижке, показываю фотографии мальчика, я замечаю в его взгляде что-то новое, он немного ревнует, он говорит, что этот мальчик похож на маленького поросенка. Он рассказывает мне о своих приключениях с девочками. После завтра у него трехдневка, он перестал бриться. Спускаясь по лестнице, он чуть поворачивается и спрашивает: «Так мы отправимся в путешествие вместе?». Отвечаю, что мы обсудим это за столом. Мы идем в бразильский ресторан, куда я должен был привести его в прошлый раз, в тот неудавшийся вечер. Мы немного говорим о том вечере, хотя я решил этого не делать: я говорю, что, вероятно, сам

неосознанно устроил все так, что он прошел плохо и мы расстались столь глупо; позже я признаюсь ему, что Т. придумал план заставить нас врасплох, чтобы потрахаться вместе с нами, и что именно этого я должен избежать, не предоставляя ему удобных обстоятельств – он терпит меня, только когда мы вдвоем – для того, чтобы изменить мне. Венсан быстро сдается: говорит, что ломает перед всеми друзьями комедию, что никогда не чувствовал себя так плохо, как сейчас. В эти дни он впервые подумал, что у него тупые родители. Они предъявили ему свои обвинения (он зависим, не может заработать себе на жизнь, хотя ему двадцать лет), и потом, прежде чем уйти, они вместе с ним еще и напились, чтобы успокоить свою совесть. Затем они на месяц уехали в отпуск, не оставив ему ни еды, ни денег, ничего. Он выдал несколько чеков без покрытия, ему позвонил работник банка, отчитал его и сказал, что у него навсегда отберут чековую книжку и заведут на него дело. Он уже почти целую неделю ничего не ел, он все время спит и настолько голоден, что даже не может взять в рот заказанную еду. Он очень бледен, почти серого цвета, более чем безобразен, на зубах какие-то желтоватые прожилки, он подыхает от страха, и это существо, которое я люблю, которое я любил. Я чувствую себя собственным отцом, сидящим напротив меня самого. Я пытаюсь как можно быстрее на место отца поставить

Мишеля*, отыскать в себе его уверенность, его чувство справедливости. Умерший друг говорит моим ртом, чтобы ободрить Венсана, чтобы прогнать эту панику. Я спрашиваю у Венсана, что он собирается делать, он отвечает: «Спать». Я говорю: «У тебя или у меня?». Он говорит: «Я посплю у тебя». Он ложится в постель быстрее меня, я спрашиваю, как бы он желал, чтобы лег я, одетым или нагим, и он поднимает одеяло, чтобы показать мне, что лег голым, я раздеваюсь и ложусь рядом с ним, я спрашиваю его: «Ласкать или не ласкать?» – я очень боюсь воспользоваться его слабостью, – он отвечает: «Не ласкать», выключает свет и могущественно кладет руку мне на грудь, его рука меня согревает и дает мне почувствовать любовь. Я не шевелюсь. Посреди ночи мысль о путешествии вместе с ним меня пугает. Утром он довольно весел. Я очень медленно ласкаю его, его грудь, плечи, руки, живот, и по скрытым простыней движениям понимаю, что он дрожит. Мы сражаемся: я хочу взять его член в рот. Наконец, я заглатываю его, и он не мешает, он держит его, чтобы мне было удобнее сосать, и, оставляя его член, я вижу, что он на меня смотрит. Когда я вижу, как он случайно поднимает под душем ногу, на расстоянии мне кажется, что его ступня покрыта красными пятнами. Я

* Мишель Фуко, друг и любовник писателя. Впоследствии Гибер был уверен, что именно Фуко заразил его СПИДом.

вспоминаю, что врач попросил меня показать ему пятна на моих ступнях, когда мы говорили с ним о СПИДе. Венсан сел на кровати, я говорю ему: «Покажи мне свои ноги», – он отказывается, он говорит: «Я кое-что от тебя скрываю». Я говорю: «Что?». Он говорит: «У меня СПИД». Я говорю ему, что как минимум это неплохая причина, чтобы не взяли в армию. Он говорит мне: «Думаешь?». Когда он уходит, я выписываю ему чек, чтобы оплатить его задолженность. Мы вместе спускаемся позавтракать. Это доставляет мне радость, мне кажется, что мы вместе. Во второй половине дня он звонит, и мы решаем отменить это путешествие на атлантическое побережье.

Уверенный в отношениях с этим другим юношей, я перезваниваю Венсану, освобожденный от чар, которые заставляют меня сближаться с ним таким манером, что он может лишь отдалиться.

Венсан приходит совершенно обдолбанный, соблазнительный как никогда. Мы идем ужинать. Потом он бросает меня у двери моего дома. Т. приходит заново клеить разорванное.

Вчера вечером я делаю с Венсаном практически все, что я делаю с Т.: он целует меня, я сосу у него, он надевает презерватив, чтобы отыметь меня в зад, мы надеваем на яйца кольца, нюхаем поперсы, он стегает меня (но все застенчиво, с робостью, словно это детская игра)... В первый раз за четыре года его язык тянется к моим губам и с осторожностью проникает внутрь моего рта: это могло бы быть пришествием одной из самых больших надежд моей жизни, и, конечно же, вокруг нас витает уныние.

Венсан должен придти менее чем через час, чтобы провести со мной весь вечер; тем не менее, я в отчаянии.

Друг Венсана, другой Венсан, вцепился на машине в стену, задуманное не удалось. Венсан встречает его, когда тот выходит из больницы: хотел бы я быть этим избежавшим гибели?

Пытался однажды вечером, столкнувшись с Венсаном лицом к лицу на вернисаже Бернара, отказаться от моего чувства к нему.

74

Путешествие с Венсаном. Пометки на голубой банковской квитанции, которые я делаю в машине, пока мы курим:

«Гимн дождю».

«Гимн ткани». (Я только что трогал его ляжку сквозь брюки).

«Гимн изысканности».

«Изобретение любви».

«Определенная (или же неопределенная) литературная работа: научиться молчать».

Венсан отрывает взгляд от дороги, чтобы подглядеть, что я пишу на талоне.

Увидел Венсана, как в первый раз: время радостного состязания до ужина – нечто, в чем нам обоим удастся найти наше счастье; после он опять поднимается ко мне, он говорит: «Делаю тебе два предложения: или магнетический массаж, или я тебя трахну».

Спустя четверть часа я по-прежнему не даю ответа, чтобы иметь возможность играть с ним. Когда он снова задает мне этот вопрос, я говорю ему: «Магнетический массаж».

Опять принимаю с Т. экстази, мерзкий порошок, это совсем не то бесподобное счастье, испытанное с Венсаном: это пропасть, разрушение всей конструкции моей жизни и моего сознания, стирание личности в преддверии помешательства. Это еще и скорбь по моим отношениям с Венсаном, поскольку это скорбь по моим отношениям с наркотиком, потому что я знаю, что отношения с Венсаном могут существовать лишь с помощью наркотика. Чтобы опровергнуть столь жестокое и вздорное предположение, я звоню Венсану, говорю ему просто, что желаю его видеть, он свободен, он приходит, мы болтаем, мы слушаем музыку (новый диск Этьена Дао, счастливое сентиментальное предзнаменование), мы пьем шампанское, потом идем ужинать в «Чайку», Венсан на машине его матери, мне нравится ехать по Парижу, когда за рулем он, мы выпиваем порядочно зубровки, я отдал ему свою книгу с автографом и его отпечатанные снимки, которые позволил ему забрать с собой, когда мы ушли из моей квартиры, чтобы предоставить ему свободу больше туда не возвращаться; выйдя

из ресторана, я прошу его проводить меня на машине, она припаркована довольно далеко, мы проходим многие сотни метров вдоль линии еще влажных кровавых капель, местами образующих лужицы, Венсан говорит, что это какой-то фарс, что, учитывая расстояние, человек должен был бы уже истечь кровью, Венсан садится на корточки, чтобы попробовать кровь, и, смеясь, говорит, что у него рвется сердце, кровавый след исчезает прямо перед машиной, возле разбитого стекла. Возле моего дома, прежде чем машина остановилась, я спрашиваю у Венсана, предпочитает ли он подняться допить шампанское или вернуться к себе, он говорит мне довольно игривым голосом: «Допить шампанское»; как только мы возвращаемся, я у него на глазах полностью раздеваюсь, ложусь в постель и велю ему сделать то же самое, он ошеломлен, но вовсе не хмурится, вот, наконец, он в моей кровати почти что голый (он не снял трусы) рядом со мной, я возбуждаюсь, мне хорошо, я счастлив, я ласкаю его, я лижу и сосу его соски, я прошу его поласкать меня, он приникает к моему уху, он говорит, что ему нравятся уши, я сжимаю его в объятиях, я дрочу свой член, делая по два ритмичных движения, трусь о его ляжки и в то же самое время дрочу ему, у него тоже прекрасно встает, я чувствую губами, как меня касается пушок на его щеках, о, как я его обожаю, я разглагольствую о своем преклонении, которое всегда испытываю, находясь возле него, я долго целую его член, но

не сосу, а потом внезапно заглатываю его, он так хорош, так нежен, так мал, так мил, так великолепен, так восхитительно еле заметно пахнет, Венсан говорит, что очень редко сосет девчачьи киски, потому что они слишком сильно пахнут, я говорю ему, что, может быть, однажды он отымеет меня сзади, надев презерватив, он говорит мне: «Ты боишься СПИДа?», я говорю ему: «Ты перетрахал столько маленьких негритяночек в Африке», – он отвечает: «Я уверен, что тебе бы они понравились, эти маленькие и такие жаркие негритяночки со сладкой кожей», я говорю ему, что, может быть, однажды он полюбит меня, он говорит: «Да, может быть». Он собирается пойти на фронт в Ливии или Иране, чтобы в пострадавших областях устанавливать в госпиталях кровати. Зарплата: 15000 франков за месяц (столько я получаю в газете) и вдвое больше в самых опасных зонах. Мы планируем совместную поездку в Португалию, в Лиссабон. Этим прекрасным первым майским днем над Европой плывет радиоактивное облако.

77

Отыскивая среди своих контактных снимков фотографии, которые составят подарочный альбом ко дню рождения Т. (хотя я уже сильно опаздываю), я натываюсь на несколько кадров Венсана, которые никогда еще не отдавал в печать. Я сталкиваюсь с таинством

неистойой насильственности этой любви – о чем столь интенсивно напоминают мне эти снимки – и говорю себе, что хотел бы рассказать об этом с торжественностью, подобающей чему-то священному, словно это одна из великих религиозных тайн. К примеру, языки пламени, нисходящие на апостолов. Вчера вечером я плохо себя чувствовал, лег, но сразу же встал, чтобы забрать отпечатанную фотографию, я смотрел на нее в вытянутой руке, снова вернувшись в кровать, то приближая, то отдаляя, у меня не возникло особых плотских идей о ебле и мерзости, насильственных галлюцинаций о том, как движется член или язык, это скорее замершая прелесть быть свидетелем некоего преобразования.

Вновь увидел Венсана, благодаря небольшой порции белого порошка, отвратительного на вкус (экстази): вновь увидел его глаза, его губы, его пупок, то, сколь мы верны друг другу, сколь связаны. Что ж, это прекрасный миг.

1986. Очень реалистичный сон о согласии Венсана, который вызывает у меня сегодня безрассудное желание позвонить ему.

Новый катастрофический вечер с Венсаном. Я по-прежнему без ума от желания. Он приходит в семь часов и говорит, что уйдет в девять. Целый час он рассказывает мне постельные истории, стаскивает штаны, чтобы показать свое теплое нижнее белье. Я целый час пытаюсь затащить его в постель, и тогда он начинает жаловаться, что я единственный из его приятелей, кто хочет вот так вот все время его обнимать, целовать, раздевать, сосать. Он грозит избить меня моим телефонным аппаратом, чтобы украсть кокаин, который я так хотел принять вместе с ним. Он уходит, назвав меня шлюхой.

Венсан поднимается рано утром, чтобы приготовить сэндвичи. Столь далекий от тех волн, в которых он плавал. Напоминание о суровой действительности в момент, когда мне угрожают – или я сам себе угрожаю – отставкой.

Листая альбом, я понимаю, что любил Венсана еще потому, что он похож на Китона.

Одержимость (повсюду член Венсана, словно безумие, словно галлюцинация).

80

Чудовищный вечер с Венсаном. Он дает мне покурить травы, которая вызывает у меня безумное желание, и отталкивает меня. Он говорит, что мы верим в совершенно разные вещи, ибо он ни во что не верит, ни в любовь, ни в литературу, еще меньше в Бога, и чуть-чуть – в красоту морских волн или снега. Он хочет заставить меня съесть мои порнографические журналы, а он сам, говорит он, обгрызет края моей книжки, которую я только что ему дал, а потом примется за ту часть, которая исписана чернилами, так как она более горькая.

Целый час Венсан говорит мне о волнах, – о том, как по ним плыть, о том, как с ними играть или разбиваться о них, о единении с ними, – я дрожу от страха, чувствуя, как меж нами закручивается спиралью смерть.

Венсан по возвращении из Африки: прокаженный. Дырки на теле, на пальцах, на подбородке. Обесцвеченная в некоторых местах на спине кожа. Он пугает. Он просит поспать со мной. Впервые ласкает меня.

81

Бессонные ночи. Короткий сон, словно обморок, возвращающий мне член Венсана или вызывающий у меня удушье.

Мечты о том, чтобы прикоснуться к коже Венсана.

Все эти дни я себе говорил: если Венсан позвонит, нужно будет обязательно помешать себе с ним увидеться (я уверен, что меня заразили); он только что звонил, и мне действительно удалось живо найти самые уважительные поводы, чтобы не видеться. Его голос остается таким счастьем.

Окончательная неспособность кого-то клеить: уж лучше снимать проституток (предложить Венсану быть гейшей, моим мальчиком-гейшей?).

1984. Проверка сексуального мастерства на предмет враждебного, однако, томного и неопределенного отказа: в игре главенствует ребенок; он появляется невинный и, тем не менее, властный, будто знающий обо всем, что может утолить мои желания. Он выбрал для меня черные непроницаемые брюки, единственное отверстие которых обнажает лишь небольшой участок кожи в области паха, куда нужно пробраться, словно минуя преграду, сражаясь с сопротивляющимися руками. Остается только вдыхать запах члена, поднявшегося под тканью. Когда рот произносит достаточно умоляющих возгласов, рука проворным движением заставляет исчезнуть преграду, брюки слетают, словно театральная бутафория. Взору предстает столь свежий, розовый, нежный, млекоточивый, увитый еле заметными венами, вздымающийся член. Руки, провоцируя взгляд, пытаются открыть тайну крокодилового чемоданчика, в котором спрятаны мои порнографические журна-

лы, дилдо и плетка. Несравненное возбуждение от отказа в утолении всех желаний.

Это неистовое (блаженное, притупляемое и плачевное) желание членов, которое должно быть более общим – желанием гениталий – в том числе и вагин (я слышал, как прошлой ночью Венсан говорил высоким голосом, мечтая о кисках, пока я у него отсасывал), – разве оно не столь же первично, абстрактно, как желание читать книгу, смотреть на картину?

83

Удовольствие снять с его голого плеча бретельку (воображение представляет то удовольствие, что испытывают мужчины, раздевая женщин).

Спал мало, не раздеваясь, с зажженным светом, но в объятьях Венсана, счастливый от каждого движения его руки на моем теле, счастливый от того, что в забытьи наши губы, которые должны оставаться сомкнутыми, все время ищут друг друга и улыбаются:

необычность и счастье от этого воскрешения чувств (опиум?).

84

1983. Призраки иного мира (Венсан, затем Эжен*), которые несправедливо затмевают собой живых.

Все более и более невыносимо не слышать голос того, кто призывает меня к любви. Тогда я вспоминаю, как целовал его пах в той гостинице в Мадриде, когда он оттягивал книзу свитер, чтобы не допустить меня к своему члену. Как я наслаждался, когда смотрел, как он мастурбирует голый на расстоянии от меня и плачет (но все это непристойно, постыдно).

В испанских ресторанах: никогда не чувствовал столько встречной ненависти; я иду с ребенком, слишком большим, чтобы он

* Писатель Эжен Савицкая, близкий друг Гибера. В книге «Слишком вежливый дурак» Савицкая намекает, что Гибер был в него влюблен.

Был моим сыном, и слишком маленьким, чтобы он был моим братом.

Отправляюсь с ним по тем же маршрутам, что и два-три года назад с Т.: Молино, подвесная дорога над гаванью Барселоны, гора с парком аттракционов. В отеле «Колон» я узнаю мальчика в костюме пчелы, который уже выказывал свой интерес в предыдущий раз, я вижу в его взгляде, что, смотря на Венсана, он вспоминает о Т. Когда мы покидаем отель, он догоняет нас и, задыхаясь, протягивает маленькую кожаную перчатку, он говорит, что нашел ее в нашей постели. Это перчатка Венсана.

85

Мы должны были встретиться на вокзале возле экспресса, меня передернуло: он был ужасно одет, на нем были вещи его отца, вплоть до мерзкого шейного платка из набивного шелка.

Это все еще ребенок (но почти что уже не ребенок: его тело выросло, на лобке появились волосы): я глажу его голые ноги в то

время, как он рисует меня, сосредоточение на рисунке притупляет чувствительность его ног.

86 Он извел меня, чтобы я дал ему «Псов», мою небольшую порнографическую книжку; я говорю ему, что это чтение не для ребенка, потом два вечера подряд мне удастся заставить его забыть об этой просьбе; на третий он свистнул книгу; на следующий день он звонит мне, чтобы сказать, что прочитал ее, пока ехал на велосипеде домой, в слабом свете уличных фонарей.

Я вновь слышу этот голос, по которому я справлял траур: среди пустынного утра он возрождает любовь к тому, в чьей гортани обитает.

Боль от нереальности этой любви.

1982. Он * говорит: «Я решил больше не любить мужчин, но ты – ты мне понравился».

* Согласно статье актера, режиссера и фотографа Маттье Симоне, прототип Венсана, героя этой книги и «Путешествия с двумя детьми», умер 8 февраля 2011 года, в день открытия выставки, посвященной Эрве Гиберу в Европейском доме Фотографии. См.: La Revue littéraire N° 51, Editions Léo Scheer, Paris, 2011.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Тони Дювер
РЕЦИДИВ

В 1967 году парижское издательство «Полночь» получило рукопись романа «Рецидив». Знаменитый редактор Жером Лендон решил опубликовать сочинение двадцатидвухлетнего автора, «прозу Жана Жене, переписанную Аленом Роб-Грийе». В своей первой книге Тони Дювер (1945-2008) приступает к созданию диковинной сексуальной утопии, пейзаж которой развернется в его радикальных романах 70-х годов.

Марсель Жуандо
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Николай Бердяев, назвавший Марселя Жуандо (1888-1979) «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Ладислав Клима
**ПУТЕШЕСТВИЕ СЛЕПОГО ЗМЕЯ
ЗА ПРАВДОЙ**

Единственный немецкий роман чешского аутсайдера, философа-ницшеанца Ладислава Климы (1878-1928), написан в 1917 году. О публикации автор, убежденный в абсурдной смехотворности видимого мира, не помышлял. Рукопись чудом сохранилась, и в 2002 году повесть о встречах Короля Муравьев со Слепым Змеем была впервые опубликована в Праге. «Змея» можно читать, как постмодернистский роман, как блестящую политическую сатиру и даже как антиутопию.

Пьер Гийота
КНИГА

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – проституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

**Эркюлин Барбен
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА**

Судьба Эркюлин Барбен (1838-1868) – мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

**Габриэль Витткоп
КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ПАДАЮЩЕЕ ДЕРЕВО**

Габриэль Витткоп (1920-2002) говорила то, что думала, жила, как хотела, и умерла, как сочла нужным: приняв цианистый калий за два дня до Рождества – праздника, который она презирала. Холодные, мизантропические и блистательные книги Витткоп ее биограф сравнил с чудесным ядовитым цветком. Опубликованный посмертно роман «Каждый день – падающее дерево» – это портрет двойника автора, надменной и безжалостной Ипполиты, вспоминающей свою жизнь, озаренную гордым пламенем презрения к человечеству.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Герард Реве
ЦИРКАЧ

Герард Реве размышляет о том, каким неслышанным грешником он рожден, делится опытом проживания в туристическом лагере, рассказывает историю о плотской любви с уродливым кондитером, посещает гробовщика, раскрывает тайну юности, предается воспоминаниям о сношениях с братом и непростительном акте с юной пленницей, наносит визит во дворец, сообщает Королеве о смерти двух товарищей по оружию, получает из рук Ее Светлости высокую награду, но не решается поведать о неприглядном и внезапно оказывается лицом к лицу со своим греховным прошлым.

Франсуа-Поль Алибер
МУЧЕНИЯ ЧЛЕНА

Франсуа-Поль Алибер (1873-1953) современникам был известен как один из спутников Андре Жида и плодовитый поэт, тяготеющий к классическим формам. Лишь через полвека после смерти Алибера были открыты его тайные сочинения – эротические повести весьма радикального толка. «Мучения члена» – исповедь человека, наделенного детородным органом невероятных размеров, «Сын Лота» – рассказ юноши, который провел неделю, занимаясь любовью с собственным отцом.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Dodo Space» Рождественский бульвар, д. 10/7
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Проект ОГИ» Потаповский пер. д. 8/12, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Индиго» Невский пр., д. 63 А

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92

**Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции
на сайте kolonna.org**

Эрве Гибер
БЕЗ УМА ОТ ВЕНСАНА

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301
Подписано в печать 28.05.2012 Тираж 500 экз. Заказ № 391/А-Б.
Формат 70 х 100/32. Объем 3,5 п. л. Гарнитура itc Charter
Отпечатано в типографии "Государственное унитарное
предприятие "Максатихинская типография",
171900, Тверская обл., Максатихинский р-он, Максатиха ПГТ,
ул. Пехотинцев Гундяевых, 15.